Плач о старосте

Вопит старостиха:

Спаси Господи спрядныих суседушек!
Благодарствую крестьянам православным,
Не жалели што рабочей поры-времени,
Хоронить пришли надежную головушку,
Уж вы старосту-судью да поставленую!
Он не плут был до вас, не лиходейничек,
Соболезновал об обчестве собраном,
Он стоял по вам стеной да городовой
От этых мировых да злых посредников.
Теперь все прошло у вас, миновалося!
Нет заступушки у вас, нет заборонушки!
Как наи́дет1 мировой когда посредничек,
Как заглянет во избу да он во земскую,
Не творит да тут Исусовой молитовки,
Не кладет да он креста-то по-писа́ному;
Не до того это начальство добирается,
До судов этот посредник доступает,
Вопотай у недоростков он выведыват,
Уже нет ли где корыстного делишечка?
Да он так же над крестьянством надрыгается,
Быдто вроде человек как некрещеной!
Он затопае ногама во дубовой пол,
Он захлопав рукама о кленовой стул,
Он в похо́дню по покоям запохаживае
Точно вехорь во чистом поле полётывае,
Быдто зверь да во темном лесу порикивае!
Тут на старосту скрозь зубы он срыгается,
Он без разуму рукой ему пригра́живае,
Сговорит ему посредник таково слово:
«Што на ям да вы теперь не собираетесь?
Неподсудны мировому, знать, посреднику?
Непокорны вы властям да поставленым?
Штобы все были сейчас же на ям согнаны!»

Как у этых мировых да у посредников
Нету душеньки у их да во белы́х грудях,
Нету совести у их да во ясны́х очах,
Нет креста-то ведь у их да на бело́й груди!
Уж не бросить же участков деревенскиих,
Не покинуть же крестьянской этой жирушки
Все для этыих властей да страховитыих!
Назад староста бежит да не оглядывает,
Под окошечко скоренько постучается
Он у этых суседей спорядовых,
Штобы справились на ям да суровёшенько:
Как наехала судья неправосудная,
Мировой да на яму стоит посредничек,
Горячится он теперь да такову беду;
Сами сходите, крестьяна, приузнаете,
Со каким да он приехал со известьицем:
Он для податей приехал ли казенных,
Аль казна его бессчётна придержалася,
Али цветно его платье притаскалося,
Аль Козловы сапоги да притопталися?
Тут на скоп да все крестьяна собираются,
При кручинушке идут да при великой;
Тут посреднику в глаза да поклоняются,
Позаочь его бранят да проклинают!
Возгорчится как судья ведь страховитая,
В темном лесе быдто бор да разгоряется,
Во все стороны быв пламень как кидается,
Быдто Свирь-река посредничек свирепой,
Быдто Ладожско великое, сердитое!
Тут он скочит из-за этого стола из-за дубового,
Да он сглянет тут на старосту немилым зглядом,
Тут спрого́ворит ему да таково слово:
«Вы даете все повольку мужикам-глупцам,
Как бездельникам ведь вы да потакаете!
Хоть своей казной теперь да долагайте-тко,
Да вы подати казенные сполняйте-тко!»
Мужичёночки дробят да всё поглядают:
Ужель морюшко синё да приутихнет,
Мировой скоро ль посредничек уходится,

За дубовыим столом да приусядется?
Буде взыщется один мужик смелугище,
О делах сказать ведь он да все о праведных,
Уже так на мужика стане срыгатися,
Быдто зверь да во темном лесе кидается;
Да он резвыма ногама призатопае,
Как на стойлы конь копытом призастукае!
Стане староста судью тут уговаривать:
«Не давай спеси во бла́дую головушку,
Суровьства ты во ретливое сердечушко,
Да ты чином то своим не возвышайся-тко —
Едины́ да все у Бога люди созданы:
На крестьян ты с кулакама не наскакивай,
Знай сиди да ты за столиком дубовым,
Удержи да свои белы эты рученьки,
Не ломай-ко ты перстни свои злачёныи!
Не честь-хвала тебе да молодецкая
Наступать да на крестьян ведь православных!
Не на то да ведь вы, судьи, выбираетесь!
Хотя ж рьян да ты, посредничек, — уходишься,
Хоть спесив да ты, начальник, — приусядешься!
Окол ноци мужики да поисправятся,
Наживут да золоту казну бессчётную».
Сговорит да тут посредник таково слово:
«Да вы счастливы, крестьяна деревенскии,
Што ведь староста у вас да преразумной!»
Как уедет тут судья да страховитая,
Сговорят да тут крестьяна таково слово:
«Мироеды мировы эты посредники,
Разорители крестьянам православным,
В темном лесе быдто звери-то съедучии,
В чистом поле быдто змеи-то клевучии!
Как наедут ведь холодныи-голодныи,
Оны рады мужичёнка во котле варить,
Оны рады ведь живо́го во землю́ вкопать,
Оны так-то ведь над има изъезжаются,
До подошвы оны всех да разоряют!
Слава Богу-то теперь да слава Господу!
Буря-па́дара теперь да уходилася,

Сине морюшко теперь да приутихло —
Нонь уехала судья неправосудная,
Укатилася съедуба мироедная!
Мы пойдемте, мужики, да разгуляемтесь,
Ноньку с радости теперь да со весельица;
Настоялися ведь мы да надрожалися,
Без креста-то мы ему да все накланялись,
Без Исусовой молитвы намолилися!..»
Как сберутся в Божью церковь посвященную,
О Бладычном оны да этом праздничке,
И прослужат там обиденку воскресную,
И как выйдут на крылечико церковное,
И как сглянут во подлётную сторонушку,
Тут защемит их ретливое сердечушко,
Сговорят оны ведь есть да таково слово́:
«Где ведь жалобно-то солнце пропекае,
Там ведь прежняя, родима наша сто́рона,
Наша славна сторона Новогородская!
Когда Новгород ведь был не разорёной
И ко суду были крестьяне не приве́дены,
Были людушки тогды да не штукавыи,
Не штукавы оны были — запростейшии;
Как судьи да в тую пору не моло́дыи,
Пожиты́ да мужики были почётныи,
Настойсливы оны да правосудивы.
Были добры у их кони иноходныи,
Были славны корабли да мореходныи.
Буде што да в прежни вре́мена случалося,
Соберется три крестьянина хоть стоющих —
Промеж ду́-другом оны да рассоветуют,
Как спасти да человека-то помиловать,
По суду ли-то теперечко по Божьему,
По этым ли законам праведливыим...
Тыи вре́мечка прошли да не видаютца,
Тыи годы скоротались, не слыхаютца!..
Наступили бусурманы превеликии,
Разорили оны славный Новгород!
Вси тут при́дались в подсиверну сторонушку
На званы острова эты Кижскии

Во славное во обчество во Толвую...
Послыхайте словеса наши старинныи,
Заприметьте того, малы недоросточки!
Уж как это сине морюшко сбушуется,
На синём море волна да порасходится,
Будут земскии вси избы испражнятися,
Скрозекóзныи судьи́ да присылатися;
Вси изменятся пустыни богомольныи,
Разорятся вси часовенки спасеныи!»
Кругом-около робята обстолпилися,
Как на этых стариков да оглядилися,
Ихних ри́чей недоростки приослухались;
Кои умны недоросточки, приметныи,
Оны этыи слова тут принимали
Об досюльныих законах постоятельных,
Об досюльноем житье новогородскоем.
Сволновалось сине славное Онегушко,
Как вода с песком помутилася.
Тут воспомнят-то ведь малы недоросточки:
«Теперь-нонь да времена-то те сбываются,
Как у старых стариков было рассказано!»
Тут мы думали с надежноей головушкой:
«Как пропитывать сердечных малых детушек?
Накопилася станичушка детиная!»
Говорила я надежноей головушке:
«Да ты съезди-ко на малой этой лоточке,
Хоть во город да ты съезди Повенецкой,
Наживи да ты, надёжа, золотой казны.
Да мы купим-то довольных этых хлебушков,
Мы прокормим-то сердечных малых детушек!»
Как во ту пору теперь да в тое времечко,
Как по этой почтовóй ямской дороженке
Застучало вдруг копыто лошадиное,
Зазвонили тут подковы золочёныи,
Зазвенчала тут сбруя да коня доброго,
Засияло тут седёлышко черкасское;
С копыт пыль стоит во чистом поле,
Точно черной быдто ворон приналётыват, —
Мировой этот посредник так наезживал!

Деревенскии робята испугалися,
По своим домам оны да разбежалися!
Он напал да на любимую сдержавушку,
Быдто зверь точно на у́падь во темно́м лесу!
Я с работушки, победна, убиралася,
Из окошечка в окошечко кидалася:
Да куда ж мою надёжу подевают?
Я спросила у спорядовых суседушек...
Как суседушки ведь мне не объяснили,
Штобы я, бедна горюша, не спугалася!
На спокой да легли добры эты людушки,
Ужо я, бедна, в путь-дорожку отправлялася,
Штоб проведать про надежную головушку!
Уж как этот мировой да злой посредничек,
Как во страдную, в рабочу пору-времечко,
Он схватил его с луго́вой этой поженки,
Посадил да он во крепость во великую,
Он на три садил Господних Божьи де́нечка,
На четыре он на летных эты ноченьки,
Отлучился што без спросу на неделюшку!
Тошно плакали сердешны мои детушки,
Не могла стерпеть победная головушка
Я глядеть да на детины горюци слезы —
Я склонилася в тяжелую постелюшку
С-за этого злодия супостатого,
Што обидел нас, победныих головушек,
Присрамил да он при обчестве собраном;
Со бесчестья в лице кровь да рааыгралася,
Со стыда буйна головка зашаталася!..
Ворочался как надеженька со крепости,
В чистом поле неможенье сустигало,
На пути злодий-смерётушка стретала.
. . . .
. . . .
Вы падите-тко, горюци мои слезушки,
Вы не на́ воду падите-тко, не на́ землю,
Не на Божью вы церковь-на строеньице,
Вы падите-тко, горюци мои слезушки,
Вы на этого злодия супостатого,

Да вы прямо ко ретливому сердечушку!
Да ты дай же Боже Господи,
Штобы тлен пришел на цветно его платьице,
Как безумьице во буйну бы головушку!
Еще дай да Боже Господи
Ему в дом жену неумную,
Плодить детей неразумныих!
Слыши Господи молитвы мои грешные!
Прими Господи ты слезы детей малыих!
. . . .

1 Наидет — вм (есто) наедет.

Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Т. 1. Санкт-Петербург, "Наука", 1997.